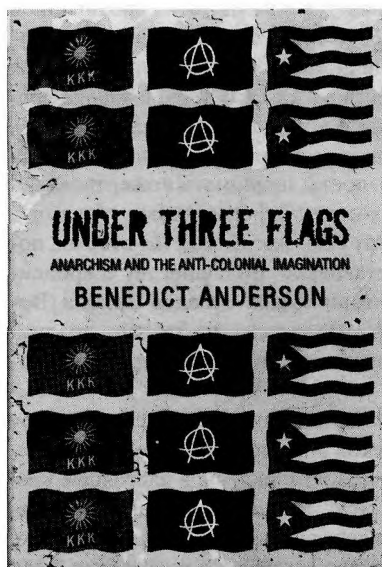

ЭО, 2007 г., № 1

© А.А. Смирнов. Рец. на: *Benedict Anderson. Under Three Flags: Anarchism and the Anti-Colonial Imagination*. L.; N.Y.: Verso, 2005. 255 p.

В основу новой книги Бенедикта Андерсона – "Под тремя флагами: анархизм и антиколониальное воображение" – положен цикл статей, опубликованных в британском журнале "New Left Review" в 2000–2004 гг. В определенном смысле работы Андерсона 2000-х годов¹ – не только возвращение к более подробному рассмотрению давно интересовавших его вопросов, но и своего рода расширенный ответ критикам, упрекавшим его в понимании антиколониального и "восточного" национализма² как некоего "производного" или "вторичного" феномена или дискурса по отношению к "первичному" западному и даже в его "карикутуризации" (П. Чаттерджи).

По замыслу Андерсона, его работа представляет собой попытку построения необычной "политической астрономии", описывающей "силу притяжения" между антиколониальными национализмами на противоположных сторонах планеты – прежде всего между двумя последними крупными колониями Испанской империи, Филиппинами и Кубой – в последние два десятилетия XIX в., которые Андерсон называет эпохой "ранней глобализации" (р. 3).

Именно материальные условия, созданные этой глобализацией – телеграф, почта, паровой и железнодорожный транспорт, – сделали возможным возникновение "национализма больших расстояний" и трансокеанское распространение анархизма.

Исследователи часто рассматривали сочетание национализма с традиционными идеологиями – консерватизмом, либерализмом и социализмом, но обычно оставляли без внимания анархизм, который после краха I Интернационала и смерти Маркса оказал огромное влияние на радикальных политиков во всем мире, став, как утверждает Андерсон, той самой "силой тяготения", которая привела к образованию мощного "гравитационного поля" между первыми антиколониальными национализмами. Этому способствовало несколько факторов. В отличие от марксизма, идеология анархизма не пренебрегала крестьянством – самой крупной социальной группой в колониях, которую могли мобилизовать интеллектуалы-националисты. Она также была открыта для представителей "мелкобуржуазной" богемы – писателей, артистов и художников. Кроме того, в идеологии анархизма не наблюдалось предрассудков в отношении национализмов "малых", или "неисторических" народов, считавшихся "освободительными" движениями. Наконец, антиклерикальная направленность анархизма способна была сделать его особенно популярным в филиппинском контексте, где на протяжении всего XIX в. католические монашеские ордены служили основным идеологическим инструментом испанского колониального правления.

Однако влияние анархизма на антиколониальные национализмы невозможно понять, если исходить из представления о нем только как об определенной доктрине, ключевые положения которой должны находить свое отражение в программах конкретных движений. Филиппинский национализм явно не отвечал такому критерию: Хосе Рисаль, выдающийся филиппинский писа-

Артем Александрович Смирнов – аспирант кафедры философии и культурологии, факультет социально-политических наук Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова; e-mail: artem.smirnov@gmail.com

тель и националист, провозглашенный впоследствии "первым филиппинцем", никогда не встречался с анархистами и не был напрямую знаком с работами теоретиков анархизма, хотя и сделал главного героя своего второго романа "Флибустьеры" (1891) нигилистом, отстаивавшим вполне анархистские идеи, а Исабело де лос Рейес, первый филиппинский фольклорист и антрополог, стал анархо-синдикалистом только после выхода из испанской крепости Монжуик, где он, арестованный сразу после начала революции, ожидал исполнения смертного приговора в одной камере с испанскими анархистами. Скорее, под анархизмом здесь следует понимать не столько доктрину, сколько особую политико-идеологическую практику – "пропаганду действием" – и неиерархическую форму организации – горизонтальные сети коммуникации и координации между множеством кружков националистически настроенных интеллектуалов в колониях и метрополиях.

Крайне разнородный материал исследования – статистика и частная переписка, памфлеты и научные работы, газетные статьи и воспоминания, официальные документы и романы – и калейдоскопическое описание событий эпохи, не связанных единой ретроспективной телеологией, но обладающих своей собственной логикой и ведущих к множеству непредусмотренных последствий, исключают возможность какого-либо последовательного пересказа содержания и заставляют сосредоточить внимание на основных методологических новациях.

Хотя Андерсон не впервые применяет в своих исследованиях сравнительный метод, особенность его новой работы заключается в непрерывном изменении масштаба сравнений, переходе от микро- к мезо- и макроуровню, от биографий отдельных индивидов (филиппинских радикалов, кубинских революционеров, европейских анархистов и т.д.) к институциональным формам (научным обществам, политическим кружкам, газетам и литературе) и конфигурациям геополитических сил (приход на Тихий океан новых игроков, – Германии и Соединенных Штатов, – сделавший возможным освобождение Филиппин от испанского господства). Сравнительный метод позволяет автору избегать крайностей "методологического национализма" и "методологического космополитизма", одинаково тяготеющих к построению идеально-типических схем, постоянно обнаруживая прагматическую контаминацию универсального и партикулярного, неограниченных и ограниченных "серий" (Андерсон 2006).

Примечательно, что в отличие от антиколониальных национализмов в Новом Свете, анализ которых был предложен в "Воображаемых сообществах" (Андерсон 2001а: 71–88), филиппинский национализм не был креольским: так, де лос Рейес был илоком, Рисаль – метисом. Филиппинскими националистами образованные представители различных этнических групп³ становились в Испании: прибывая в метрополию, все выходцы с Филиппин, независимо от своего статуса и существующих между ними различий, считались (и начинали считать себя сами) "филиппинцами" (с. 62–64).

Такие "паломничества" в Европу вели к появлению демона сравнений (*el demonio de las comparaciones*). Этой фразой герой романа Рисаля "Не прикасайся ко мне" (1887)⁴ описывал свой опыт возвращения из Берлина в Манилу, связанный с появлением "нового, неугомонного двойного сознания, которое делало невозможным восприятие Берлина без одновременных мыслей о Маниле или Манилы без мыслей о Берлине. В этом и заключается источник национализма, который живет сравнениями" (Андерсон 1998: 229). Ранее Андерсон предложил неверный перевод этого словосочетания ("призрак сравнений"),⁵ но в своей новой книге он исправляет ошибку, показывая, какие перспективы открывает для исследователя "демон сравнений", который своей интертекстуальной отсылкой к "Демону аналогии" (1885) Малларме помещает роман Рисаля в контекст мировой литературы (с. 32).

Сравнения – ключевой метод работы де лос Рейеса "Филиппинский фольклор" (1887), первого крупного этнографического исследования илоков, получившего высокую оценку европейских ученых и сразу же переведенного на немецкий язык, – позволили установить, что многие поверья, обычаи, пословицы и поговорки восходят к доколониальному прошлому, что "расовые различия" между илоками и тагалами были преувеличены и что на самом деле они имели общие этнические корни (с. 25), и впоследствии использовать такие открытия в националистической борьбе.

Неявно полемизируя с представителями постколониальной теории, которые, претендуя на монопольное положение в изучении антиколониальных национализмов, утверждают, что они изначально носили культурный и неполитический характер (так называемый духовный суверенитет), Андерсон показывает неразрывную связь между культурой и политикой в филиппинском национализме. Формально относящиеся к "духовной" области романы Рисаля и работы по фольклористике де лос Рейеса, имея эстетическое и научное значение, преследовали политикомобилизационные цели и обладали серьезным политическим влиянием. К тому же антиколониальный филиппинский национализм не был однородным и состоял из различных сил, которые вели постоянную борьбу за гегемонию: Андерсон подробно описывает трения между "анархистским" национализмом Рисаля и либеральным национализмом дель Пилара (с. 94–104).

С самого начала предложив читать свою книгу не как традиционное академическое исследование, а как своеобразный "роман-фельетон" (с. 5), Андерсон, следуя законам жанра, оставляет финал открытым. В "Постскриптуме" он вспоминает, как в январе 2004 г. в кампусе филиппинского университета ему случайно попала листовка с адресом сайта манильского подразделения глобальной сети автономных групп, освещающего борьбу филиппинцев с государством и корпорациями за свои права: так происходит пересечение анархизма и глобализации – теперь уже "поздней" – в национальном контексте.

Примечания

¹ Символическим рубежом здесь служит выход в 1999 г. в США специального выпуска журнала "Diacritics", посвященного критическому разбору андерсоновского подхода к изучению национализма. Позднее работы, включенные в этот выпуск журнала, а также статья британского политического теоретика Эрнесто Лакло и реплика самого Андерсона были изданы отдельной книгой (Cheah, Culler 2003).

² В одной из своих поздних статей Андерсон рассматривает вопрос о сходстве и различии между "западными" и "восточными" национализмами и делает вывод об отсутствии между ними непреодолимого онтологического и эпистемологического разрыва (Андерсон 2001б).

³ Филиппины были единственной колонией во всей Юго-Восточной Азии, где в XIX в. существовал университет, в котором могли обучаться дети состоятельных местных жителей. Как отмечает Андерсон, "именно поэтому, в конечном итоге, Филиппины и стали в конце столетия местом первой националистической революции в Азии" (с. 23).

⁴ В "Воображаемых сообществах" Андерсон приводит этот роман в качестве образцовой иллюстрации взаимосвязи между идеей "гомогенного, пустого времени" и работой "национального воображения" (Андерсон 2001а: 49–51).

⁵ Такое название получил сборник его статей 1970–1990-х годов (Anderson 1998).

Литература

Андерсон 2001а – Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001.

Андерсон 2001б – Андерсон Б. Западный национализм и восточный национализм: есть ли между ними разница? // Русский журнал. 19 декабря 2001 (www.russ.ru)

Андерсон 2006 – Андерсон Б. Национализм, идентичность и логика серийности // Логос. 2006. № 2. С. 58–72.

Anderson 1998 – Anderson B. The Spectre of Comparisons. L., 1998.

Cheah, Culler 2003 – Grounds for Comparison: Around the Work of Benedict Anderson / Eds. P. Cheah, J. Culler. L., 2003.